Какаши кивает, как будто это вполне разумно. Может быть, "безумие" и есть та самая важная часть, которой не хватает Ируке, чтобы стать джоунином. "Она не могла видеть Кураму, и я подумал, что это сработает. А Куренай, конечно, подумала, что это реально".

Бедная Куренай, подумал Ирука, вздрогнув. Какие бы двусмысленные отношения ни были у нее с Анко - хотя, конечно, все отношения кажутся двусмысленными, когда в них замешана Анко, - ее постоянно втягивают во что-то. "И... Курама-сан отреагировал плохо?"

"Он поблагодарил меня за помощь. Сказал, что это не я, а он. Но выглядел он так, словно собирался заплакать".

Ирука вспомнил улыбку Курамы в тот вечер, когда они гуляли вместе. Рыжий рассказывал о своем бывшем сенсее, и в его глазах читались и отставка, и горе, и потеря - все смешалось воедино. "Слухи...", - нерешительно произнес он. "Я слышал, что он из Узушиогакуре".

Какаши моргает, словно не совсем понимая причину такого хода мыслей, но кивает.

Ирука закатывает глаза от тупости этого человека, когда речь заходит о чем-либо хотя бы смутно эмоциональном. И Сандайме решил, что было бы неплохо дать ему команду генинов? "Тогда... он, наверное, потерял всех", - говорит он, чувствуя вспышку сочувствия к рыжему, который все еще может быть таким удивительно добрым, даже когда его мир, вероятно, разрушился вокруг него. "Семья, друзья, возлюбленная - он потерял их всех, ему некуда было идти, и он был вынужден скитаться. Но он наконец-то обосновался здесь, построил новый дом, и вдруг у него появились отношения с кем-то. Может быть... может быть, он просто чувствует себя виноватым, Какаши".

Серебреволосый джоунин отводит взгляд, но выражение его лица задумчиво. Он тоже потерял всех, Ирука знает. Весь его мир умер с потерей команды, а затем с Намикадзе Минато, всего три года спустя. Но у Какаши, по крайней мере, была деревня, на которую он мог опереться, а если Курама остался один в качестве охотника за головами после того, как Узушио пал...

Ирука даже не хотел думать о том, какой беспорядок творится в его голове.

"Ты хочешь его поцеловать?" - мягко спросил чуунин, потому что это действительно один из самых важных вопросов, и Какаши, скорее всего, не обратит на него внимания в своем недоумении. "То, что вас двоих засунули в такую ситуацию, еще ничего не значит. А ты бы захотел, даже если бы рядом не было Анко, чтобы... ах, мотивировать тебя?"

Какаши фыркнул, проведя рукой по волосам. "Я... да", - говорит он в конце концов, но звучит это так, словно из него вытягивают слова пытками. "Я бы хотел".

"Тогда просто дай ему время. Дай ему понять, что ты заинтересован, но не собираешься давить на него. Пусть он привыкнет к тому, что у него снова есть дом, и тогда... тогда, может быть, у вас все получится. Для вас обоих".

Вздохнув, Какаши сползает с кровати и встает, задумчиво склонив голову, с отрешенным выражением лица. "Так просто?" - спрашивает он, но прежде чем Ирука успевает ответить, он стряхивает с себя это настроение и поворачивается к чуунину с яркой улыбкой. "Спасибо, Ирука-тян! Как насчет того, чтобы устроить тебе свидание с Ханой? Или, если ты просто хочешь привлечь ее внимание, мы можем попробовать написать это в небе фейерверком. О! Или..."

Ирука считает, что вполне оправданно вышвырнул этого засранца прямо из окна своей спальни. В конце концов, это всего лишь третий этаж.

Наруто просыпается от стука дождя по окну спальни и дуновения прохладного воздуха на пальцы ног. Саске снова стащил одеяла и, как гусеница, укутался справа от Наруто. На фоне белой подушки виднеется лишь копна темных волос и кончик бледного носа. Еще три недели назад Наруто кричал бы и выхватывал свои одеяла, вышвыривал Саске из постели и при каждом удобном случае одергивал бы его за то, что тот укрывается одеялом. Месяц назад, если бы кто-нибудь предположил, что Наруто знаком с привычками Сасукэ во время сна, он бы подшутил над ним до небес, а заодно и над Сасукэ.

Но теперь, спустя целый месяц после того, как кузен предложил им жить вместе, две недели после того, как Сасукэ провел свою первую ночь у них дома, где он, так или иначе, провел большинство своих ночей, Наруто лишь закатил глаза и соскользнул с кровати, намереваясь найти несколько дополнительных одеял. Не включая свет, чтобы не разбудить товарища по команде, он выбегает за дверь и проскальзывает в коридор, направляясь к бельевому шкафу.

Но на кухне горит свет, хотя Наруто уверен, что уже далеко за полночь, и он приостанавливается. До него не доносится ни звука, хотя в семье шиноби это еще ничего не значит, и единственный шум - это шум дождя снаружи. Да и сквозняк есть, что необычно - Курама обычно держит все на ночь плотно закрытыми, да еще и запечатанными какими-то особо изобретательными печатями.

Наруто колеблется еще мгновение, прежде чем принять решение и пройти мимо шкафа. Он осторожно открывает дверь на кухню и заходит внутрь.

В воздухе витает слабый запах зеленого чая, а окно над раковиной открыто, и на стойку попадает много влаги от дождя. Курама сидит за столом, опираясь на скрещенные руки, склонив голову и закрыв лицо волосами. Перед ним стоит чашка чая, но даже в прохладной комнате от нее не поднимается пар, и Наруто догадывается, что она стоит здесь уже давно.

"Курама-нии?" - тихо спрашивает он, потому что, хотя он и не самый наблюдательный человек, ему не нужно быть невероятно чувствительным, чтобы почувствовать грусть и смятение, витающие в воздухе.

Наступает пауза, такая долгая, что Наруто наполовину сомневается, услышал ли его кузен. Но

потом Курама поднимает голову и улыбается слабой, кривой улыбкой, которая больше похожа на гримасу. "Наруто", - говорит он, и, наверное, впервые за все время, что они живут вместе, не произносит "кун" на конце. "Ты в порядке? Уже поздно".

Скорее, рано, но Наруто не отвечает, изучая кузена. Курама бледен, почти неестественно бледен, и, хотя он смотрит прямо на Наруто, в его глазах есть какая-то рассеянность. "Ты в порядке, Курама-нии?" - спрашивает он, садясь в кресло напротив рыжего.

Курама выглядит ошеломленным, как будто вопрос был совершенно неожиданным, и он тяжело сглатывает, прежде чем снова посмотреть на свои скрещенные руки. "Я... - медленно начинает он. "Я просто... Прямо перед смертью один очень хороший друг попросил меня сделать для него кое-что. Он взял с меня обещание, а я никогда не нарушаю обещаний, но..." Он делает паузу, выражение лица очень далекое, а глаза такие невероятно грустные, что Наруто хочется вскочить со стула и обнять этого человека, чтобы унять хотя бы малую толику этой боли. "Я не знаю, смогу ли я сдержать свое слово на этот раз, Наруто".

Наруто еще минуту смотрит на кузена, обдумывая проблему. Он представляет себе, каково это - нарушить обещание, и, поскольку у него есть такое же ниндо, он понимает, как это хреново - отказаться от того, ради чего ты строил всю свою жизнь. А нарушить обещание, данное мертвому другу, еще хуже.

Но все же...

"А твой друг был действительно хорошим другом?" задумчиво спрашивает Наруто.

Курама поднимает на него взгляд, в котором снова мелькает удивление, но потом он кивает. "Мой лучший друг", - подтверждает он.

"И ты тоже был его лучшим другом? Он знал тебя очень хорошо?"

"И я, и он". В этих словах нет никаких колебаний.

Наруто улыбается двоюродному брату, не так широко и ярко, как обычно, потому что Курама все еще выглядит таким грустным, но улыбка все равно есть, и от этого что-то во взгляде Курамы смягчается. "Тогда твой друг, наверное, знал, как это тяжело, когда просил тебя", - замечает он. "И хотя он знал, что тебе это не понравится и что это будет очень трудно, он все равно попросил тебя. Разве это не делает его еще более важным?"

http://tl.rulate.ru/book/100817/3458557